

Тарас Григорьевич Шевченко в современной украинской культуре: попытка «перезагрузки»

Abstract:

Vajdalova E.V. *Taras Hryhorovych Shevchenko in the modern Ukrainian culture: an attempt of “reset”.*

The article is devoted to those events in the modern Ukrainian culture, which suggest rethinking traditional role and meaning of Shevchenko’s work and his figure. Special attention is paid to de-mythologization of the poet’s image in the contemporary Ukrainian literature. The functioning of «Shevchenko’s text» in the fine arts and music is considered separately. The conclusion is made that although numerous attempt to deconstruct the national canon were taken, Shevchenko and his heritage do not lose their sacred meaning in the Ukrainian culture.

Ключевые слова: Шевченко, современная украинская культура, демифологизация, канон, деконструкция, сакральное значение.

Тарас Григорьевич Шевченко
вздыхнув значительно и честно
достал будильник с антресолей
и двинул в долгий путь веселый

он шел сквозь город тихий милый
пил очень пенистое пиво
стрелял сигарки у прохожих
такой живой так непохожий

С. Жадан

...и оставьте его наконец в покое с вашими
идолами и патриотической возней.

Ю. Андрухович

Часто о выдающихся деятелях истории и культуры принято вспоминать лишь в годы их юбилеев. Иная ситуация наблюдается, когда речь заходит о такой фигуре как Тарас Григорьевич Шевченко (1814–1861). Собираетел украинского этноса, пророк, символ исторической судьбы, национальный гений, апостол, моральный авторитет, отец нации – вот те немногие, но наиболее значимые дефиниции этого уникального поэта и художника в пространстве украинской культуры, которая как будто «всепроницаема» для Шевченко. Литература, музыка, художественное творчество, массовая культура и т.д. пронизаны творчеством и личностью украинского гения. Личностью, конечно же, не столько реально-исторической, сколько мифологизи-

рованной народно-патриотическим каноном (сначала революционно-демократическим, впоследствии – национальным)¹.

О зарождающейся мифологизации личности Шевченко писал еще Михаил Драгоманов в своей известной работе «Шевченко, украинофилы и социалисты» (1879) меньше чем через двадцать лет со дня смерти поэта: «Шевченко – нигилист и социалист. Шевченко – Христос и Белиал. Шевченко для посвященных и непосвященных. Так всегда с пророками»². К началу XX в. почитание Шевченко стало уже сложившимся культом, однако, как это и бывает, встретило попытку сопротивления внутри самой культуры. Одними из наиболее активных борцов с культом Шевченко стали украинские футуристы. Так, в предисловии под названием «Сам» к своему сборнику стихов «Дерзани» (1914) накануне столетнего юбилея Шевченко Михайль Семенко (лидер украинского футуризма) напишет, что «где есть культ, там нет искусства», «от “Кобзаря” попахивает салом и дегтем», «место Шевченко в записках научных обществ», и сам он «сжигает свой “Кобзарь”»³. Интересно, что через сто лет на рубеже XX–XXI вв. молодые поэты к столетию футуризма организуют вечер «Ремонт Шевченко», на котором пытаются определить самое авангардное стихотворение Шевченко⁴.

Еще один украинский футурист Гео Шкурупый при создании романа о жизни великого поэта сосредоточился на тех моментах биографии, которые не принято было освещать и которые не вписывались в идеологически конструируемый канон: на личной жизни поэта. (Роман полностью не сохранился, но несколько глав из него под названием «Повесть про горькую любовь» были напечатаны в журнале «Жизнь и революция».) Переосмыслить роль Шевченко в украинской культуре пытались писатели, стоящие и на других эстетических платформах. Например, в романе Владимира Винниченко «Хочу!» цитаты и аллюзии на творчество Шевченко служили средством создания иронического дискурса произведения, а главный герой романа Николая Хвылевого «Вальдшнепы» размышлял о негативной, а не позитивной (как принято было в то время) роли Шевченко для правильного становления украинского национального самосознания. Одновременно предпринимались попытки психоаналитического прочтения творчества и биографии писателя. Это, например, работы С. Балея (одного из основателей психоанализа на Украине) «Из психологии творчества Шевченко» (1916) и представителя одесской группы психоаналитиков А. Халецкого «Психоанализ личности и творчества Шевченко» (1926). Весь этот опыт противостояния мифологизации образа Шевченко и создания его культа по понятным идеологическим причинам прервался в 1930-е гг. и возобновился он лишь в конце минувшего века.

Первые попытки новой демифологизации Шевченко были предприняты вскоре после того, как Украина стала независимым государством. В авангарде этого движения была литературная группа «Бу-Ба-Бу» (Бурлеск-

Балаган-Буфонада), созданная в 1985 г. тремя поэтами: Юрием Андруховичем (Патриарх), Александром Ирванцом (Казначей) и Виктором Небораком (Прокуратор) и осуществляющая своей деятельностью «ироническую критику дискурса тоталитарного общества»⁵. Представителей этой группы часто называют первыми украинскими постмодернистами, одной из задач которых была сознательная деструкция сложившихся канонов и табу. Как отмечает Т. Гундорова, для «бубабистов» смешение культурных и социальных кодов, наблюдающееся в их творчестве, являлось «*формой культурной критики*, заново формулирующей национальную культурную парадигму преимущественно в аспекте массовой культуры»⁶. При изменении культурной парадигмы менялись и коды национальной культуры, в том числе образ национального поэта, его роль и значение в обществе. Иронизируя над каноническим образом Шевченко, «бубабисты» стремятся изменить то сакральное значение, которое закрепилось за этой фигурой в украинской культуре, тем самым придавая ей новые смыслы.

А. Ирванец, наиболее активно работающий с шевченковским текстом украинской культуры, в своем творчестве использует два варианта трансформации этого текста: пародирование прецедентного текста (в нашем случае текста стихотворений Шевченко) и введение Шевченко как персонажа в свои произведения. Так, например, в стихотворении А. Ирванца «Письмо к Т.Г. Шевченко, украинскому писателю, революционеру и демократу» (1991), уже в названии использование клише «писатель, революционер и демократ» создает комический эффект, который продолжает раскрываться в самом тексте:

Какая-то она, Тарас Григорьевич,
Эта наша жизнь невкусная –
Сплошные тебе Репнины
и Полусмаковы.

В этом стихотворении Ирванец затрагивает табуированную в советское время тему интимной жизни поэта: пишет о двух женщинах, близких Шевченко (княжне Варваре Репниной и несостоявшейся жене Кобзаря горничной Лукерии Полусмаковой). Делая фамилии этих двух женщин смысловым ядром текста, полагая рядом княжну и горничную, фокусируясь на внутренней форме фамилий (Репнина – репа – овощ с горьким вкусом; Полусмакова – обладающая неполным вкусом) в сопоставлении с «невкусной жизнью», поэт создает экспрессивный иронический заряд.

В стихотворении «Украино-немецкий разговорник» А. Ирванец пародирует широко известные строчки из стихотворения Т.Г. Шевченко «И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим на Украине и не на Украине сущим, мое дружеское послание»:

Німець скаже: – Ви моголи. –
 – Моголи! моголи! –
 Золотого Тамерлана
 Онучата голі.
 Німець скаже: – Ви слав'яни.
 – Слав'яни! слав'яни!
 Славних праддів великих
 Правнуки погані!

Немец скажет: – Вы монголы. –
 – Монголы! монголы! –
 Золотого Тамерлана
 Внучата голые.
 Немец скажет: – Вы славяне.
 – Славяне! славяне!
 Славных прадедов великих
 Правнуки поганые!

В современной постмодернистской версии диалог с немцем продолжается перечислением тех ролей, которые готовы брать на себя украинцы: монголы, славяне, поляки, европейцы, христиане, участники блока НАТО – и все это «если немец скажет»⁷. В стихотворении намеренно смешиваются разные культурные пласты: перечисляются исторические личности, принадлежащие разным народам и разным эпохам (Пилсудский, Робеспьер и Риббентроп, помещенные в одну строфу за созвучность фамилий), представитель массовой культуры (Брюс Ли) и мало кому известный слепой украинский писатель Владимир Ерошенко, печатавшийся в Японии и Китае в 1920-е гг. (Айрошянке). Таким образом, вербальная игра и смешение разных культурных пластов освобождает шевченковское слово от клишированного восприятия.

Самому Шевченко и его культу посвящает отдельное эссе и Патриарх «Бу-ба-бу» Юрий Андрухович. Это эссе имеет заглавие на английском языке «Shevchenko is OK». Оно состоит из нескольких глав. Первая глава – «Харизма» – заключает в себя не сильно пространное путешествие по основным жизненным вехам великого поэта, начиная с «агиографического» похода к краю земли в возрасте шести лет, которое представлено, как и почти вся остальная биография Шевченко, не как достоверный, а как только возможный факт. В этой возможной, условной биографии Кобзарь оказывается не Кобзарем, а Нарциссом, который плачет хором с многочисленными слушателями своей поэзии, смешивает водку с чаем, курит настоящие кубинские сигары, плохо танцует, но всех очаровывает и при этом всю жизнь страшно страдает. Смерть Шевченко Андрухович называет «последней харизматичной инстанцией», а то, что происходит после смерти, – «похоронным психозом», частью которого становится перевозка тела поэта для захоронения на Украине. Эта перевозка названа в эссе «двухнедельным перформансом». Вторая глава – «Культ» – кратко представляет создание из Шевченко культовой фигуры украинской культуры: «Есть несколько признаков святости (правда, особенной – не традиционной церковной святости, а как бы сказать, секуляризованной или *общественной*): подвижническая жизнь, каноничность текстов, Святая Гора как место погребения и постоянного паломничества»⁸, – все эти признаки, по мысли Андруховича, есть в культе

Кобзаря. Разные идеологические лагеря конструируют своих собственных «малых шевченко»: коммунистического, националистичного, христианского, атеистического и богоборческого, диссидентского, анархичного. Отдельная глава («Поляки») посвящена непростым украино-польским взаимоотношениям. Смысловой акцент делается не на поэме «Гайдамаки», как это традиционно бывает при затрагивании этой темы, а на стихотворении «Полякам» («Ще як були ми козаками»), законченным поэтом в период возвращения из ссылки в 1858 г. (начато в 1847 г.). Андрухович подчеркивает амбивалентность позиции Шевченко, который, с одной стороны, призывает к примирению с поляками, а, с другой – подчеркивает, что метафизическое зло, разрушившее совместный украино-польский «рай», приходит от «несытых ксендзов и магнатов». В последней главе – «Слава мира» – развенчивается миф о мировой славе Шевченко: обнаруживается, что переводы поэта на другие языки из рук вон плохи, а памятники, стоящие по всему миру, оказываются поставленными исключительно украинцами-эмигрантами на свои собственные средства. В завершение Андрухович рассказывает о своем выступлении в поэтическом кафе одного из пуэрториканских кварталов Нью-Йорка, когда его неожиданно «догнала» шевченковская слава в виде признания старого седого пуэрториканца, основателя того самого кафе. Одобряя стихи Андруховича, он сказал, что «Taras Shevchenko is my favorite poet»⁹ и прибавил к этому крепкое русское выражение – то есть знал две приятные, как он думал, для автора вещи и обе ему поведал.

Концентрация в этом эссе не характерных для эпохи Шевченко слов: харизма, психоз, перформанс, – вместе с ироническим тоном всего текста деконструирует сложившееся каноническое восприятие образа национального поэта. Однако нельзя согласиться с Т. Гундоровой, что в результате всех этих деконструкций утрачивается сакральное для национальной культуры значение официального поэта, первым и главным из которых в Украине является Шевченко. Свое эссе Андрухович заканчивает многозначительным: «Слава тебе, батько наш Тарас, думал я, ошалевший. Ты вечно стоишь над нами и смотришь на нас сверху»¹⁰.

В последней книге¹¹, являющейся сборником эссе о разных городах мира, главу, посвященную Ленинграду, Андрухович практически полностью отводит своей встрече с духом Шевченко, которого называет то фамильярно «ТГШ», то интимно-почтительно, но вместе с тем и традиционно «Батько». В этот раз неканоническое прочтение получает языковой вопрос, который представлен как болезненный комплекс великого Кобзаря. В итоге беседа между двумя поэтами ведется на русском языке. На прощание Шевченко дает совет Андруховичу, «темноте необразованной», посетить знаменитый питерский рок-клуб на Рубинштейна, 13. И опять, несмотря на явное стремление автора деконструировать традиционный мифологизированный образ Шевченко, исключительность и даже сакральность этого образа остается

неизменной: «Я физически почувствовал, как мне теперь его не будет хватать. Когда я пишу “физически почувствовал”, то это надо понимать как “чуть не заплакал”»¹².

Переосмысление литературных канонов осуществляется и в жанре биографической драмы. В первую очередь, писатели-драматурги экспериментируют с самим жанром. Так, И. Драч пишет *документальную драму-коллаж* «Гора»¹³, А. Денисенко – *детективную хронику* «Сердечный рай, или Оксана»¹⁴, С. Росовецкий – *трагифарс* «Шевченко под судом»¹⁵. Между произведением метра украинской литературы Ивана Драча и двумя другими – десять лет независимости Украины. Если в «Горе» внимание писателя сосредоточено на реальных событиях (воссозданных по письмам, доносам, стихам, воспоминаниям, распоряжениям), касающихся захоронения Шевченко на Чернечьей горе, то две другие пьесы «квазидокументальны, внимание писателей концентрирует на себе не биография, а сам художественный образ, идея, артикулированная через него. Можно говорить, что Шевченко из ведущего персонажа превращается в информационный повод, рамочную структуру, в границах которой существенного (а иногда и лишнего) веса набирают второстепенные персонажи»¹⁶. Так, в драме «Шевченко под судом» образ украинского поэта максимально редуцирован: право голоса, главным образом, передано второстепенным персонажам. М. Шаповал причину такого конструирования драматического текста видит в том, что Шевченко – «объект сложный, для биографической драмы невыигрышный, потому что пребывает под охраной национального культурного канона, который перечитывается очень медленно и осторожно»¹⁷. В драме «Сердечный рай...» освещаются последние годы жизни Кобзаря (1860–1861), однако в центре всей драмы стоит его интимная жизнь, так и не достигнутый им «сердечный рай». Драматург использует многочисленные воспоминания современников Т.Г. Шевченко (О. Лазаревского, М. Костомарова, П. Кулиша, Г. Честаховского), биографические работы П. Зайцева «Жизнь Тараса Шевченко» и К. Широцкого «Невеста Шевченко»¹⁸, но они являются, скорее, материалом, от которого отталкивается драматург, создавая свой собственный образ Шевченко. В центре драмы конфликт между эфемерным образом «Беатриче» украинского классика (Оксаной) и реальной приземленной Лукерией Полусмаковой. Дополнительную интригу придает версия драматурга о том, что царское правительство, дабы контролировать неудобного поэта, специально «подставило девку» неженатому Кобзарю, и, следовательно, любовный конфликт трансформируется в конфликт власти (империи) и Поэта, в котором власти удастся физически уничтожить Поэта. Образ Шевченко в этой пьесе, несмотря на попытки «обновить» взгляд на Кобзаря, сакрализируется: как говорит сам автор драмы, «образ Тараса перед смертью напоминал икону. Таким светлым был его образ...»¹⁹.

Попытки приблизить поэта к молодому поколению, перечитать его произведения так, чтобы они воспринимались современным человеком не клишировано, предпринимались и украинскими музыкантами. В 1990-е гг. на текст «Вишневого садика» – одного из самых известных стихотворений Шевченко – пишут песни две культовые рок-группы: «Мертвый петух» и «Плач Еремии». Если в исполнении «Мертвого петуха» игровая трансформация текста происходит за счет сокращения текста на последнюю строфу и многочисленных повторов последней строки второй строфы («Так соловейко не дает»), что создает экспрессивный комический эффект, то лидер группы «Плач Еремии» Тарас Чубай включает первую строфу «Вишневого садика» в свой собственный текст. Это текст, в котором при сохранении уважительного тона, сакральное значение Шевченко нивелируется, поскольку автор говорит с поэтом на равных:

Я люблю Шевченко
Он Тарас как я
Он поэт как я
Он певец как я
Он кобзарь как я

Следует отметить, что это одно из немногих свидетельств современной украинской культуры о том, что Шевченко может быть не Пророком, не иконой, не «Батько-Тарасом», а просто поэтом, с которым оказывается можно вести творческий диалог.

В 2000-е гг. из музыкальных интерпретаций творчества Шевченко постепенно уходит игровое начало, в очередной раз актуализируется его народно-патриотическое мифологическое восприятие. Одним из наиболее известных коллективов, исполняющим композиции на стихи Шевченко в нетрадиционной манере, является рок-группа «Кому вниз», музыкальный стиль которой определяется как готический индустриальный рок (довольно тяжелая, мрачная музыка). Для этой группы важна принадлежность к традиционной украинской культуре, казачеству. Этим и обуславливается выбор текстов для песен: «Разрытая могила», «Стоит в селе Субботове», «Не ропщу я на Бога». Новый альбом группы «4», который выходит в честь юбилея писателя, полностью написан на стихи Шевченко, и на обложке даже стоит его имя. Тема былой казачьей славы в поэзии Кобзаря привлекает еще одну рок-группу, «Сад», которая придерживается музыкального стиля «хэви метал» («тяжелый металл»). За основу своей песни группа взяла отрывок из поэмы «Иван Подкова», а также спела композицию «Завещание». Не остались в стороне и представители поп-музыки. Так, популярная певица Ирина Билык исполнила песню на стихотворение «Бандурист, орел сизый», группа «Трансформеры» – «Зацвела в долине», а группа «Fata Morgana» сделала своей визитной карточкой песню «Гамалия». Таким образом, все вышена-

званные группы способствуют, скорее, популяризации творчества Шевченко, чем его новому актуальному прочтению.

В современном украинском художественном творчестве «дискурс Шевченко» не теряет своей актуальности, а в так называемом актуальном искусстве является одним из ведущих дискурсов. Во многом, это связано, конечно, с 200-летним юбилеем поэта, поскольку еще за несколько лет до самих торжеств к нему началась подготовка, которая предполагала открытие художественных выставок, проведение различных конкурсов и, что немало важно, выделение на эти мероприятия бюджетных средств. Однако еще в начале 2000-х гг. на выставке «Бренд “Украинское”» (2001), которая проходила в Центре современного искусства при Киево-Могилянской академии, одной из центральных в экспозиции стала инсталляция «Портрет Тараса Григорьевича». И это неслучайно. Организаторы выставки стремились подчеркнуть взаимозависимость искусства, рынка и социальных факторов. В таком контексте Шевченко, действительно, стал украинским «брендом». Без него невозможно представить Украину. Неслучайно поэтому особое значение вновь и вновь приобретает Шевченко именно тогда, когда в украинской жизни происходят события, которые могут повлиять на дальнейшую судьбу всей нации. Так, в годы «Оранжевой революции» рождается проект молодых художников – объединение под названием Р. Е. П. (Революционно-экспериментальное пространство). В рамках его работы создается целая серия портретов «современного» Шевченко: Шевченко на рынке, Шевченко на эскалаторе в метро и т. д. К юбилею поэта эта же идея приближения к народу будет отражена в серии работ Андрея Ермоленко «Наш Шевченко». На картинах Шевченко изображен в образах повстанца, гаишника, супермена, бедняка, богача. Каждое изображение сопровождается цитатой из стихотворений Кобзаря. Так, например, под портретом Шевченко-гаишника стоит надпись: «У нас учитесь!.. У нас дери, дери и дай и просто в рай»²⁰. Неканоническое изображение поэта можно найти и в работах Ильи Стронговского (Шевченко-Ктулху²¹) и Ивана Семесюка (Шевченко-хулиган). И Стронговский сделал целую серию портретов украинских классиков, объединив их с известными образами массовой культуры. В интервью он говорит, что «эта серия портретов – своеобразное разрушение сакрализации украинской классики»²².

Отдельного внимания заслуживает еще один арт-проект «Мы просто шли...», также приуроченный к юбилею. В нем участвуют два известных украинских художника Петр Бевзя и Николай Журавель, которые хотят представить современного Шевченко: «Люди устали от «шароварщины», нужно показывать им Шевченко – современного»²³. Задача проекта – показать Шевченко не как культовую фигуру, а как актуального культурного героя, который может настроить на борьбу, как политическую, так и куда более сложную, – борьбу с собой. Работы обоих художников выполнены в

стиле мифопоэтического течения, актуального для украинского художественного искусства в настоящий момент. И вновь образ Поэта служит для того, чтобы зритель мог поразмышлять «о значимости роли Тараса Шевченко в формировании личности каждого украинца, восприятии национальной идеи и сплочения нации в условиях сегодняшних реалий»²⁴.

Таким образом, несмотря на многочисленные попытки деконструкции канонического образа Шевченко в украинской культуре, сакральное значение его творчества и мифологизированной биографии продолжает сохраняться. Как пишет один из современных исследователей творчества Шевченко Г. Грабович, «еще до последнего времени я был склонен утверждать, что при нормализации украинской культурной и политической жизни Шевченко перестанет быть иконой, пророком и станет “только” одним из великих поэтов человечества. Это, наверное, так. Но в какой-то мере он все-таки останется пророком, потому что нельзя не считаться с действием исторической памяти и своеобразной, так глубоко запечатленной в украинских сердцах, силы его слова»²⁵. Неслучайно поэтому именно образ Шевченко стал одним из основных символов Майдана: строчки из его стихотворения «Боритесь – и поборете!» размещены на транспарантах на Майдане, его портреты, изображающие в разных видах бойцов самообороны висят как на площадях, так и обошли весь интернет. Один из самых ярких портретов – «Шевченко на Грушевского»: на нем Кобзарь изображен на фоне пылающего города с покрывалом на плече. На настоящий момент – это его самый актуальный образ в современной украинской культуре.

Примечания

¹ Подробнее о мифологизации Шевченко можно прочитать в работах: *Грабович Г.* Шевченко, якого не знаємо. Київ, 2000; *Забужко О.* Шевченків миф України. Спроба філософського аналізу. Київ, 2001.

² *Драгоманов М.П.* Літературно-публіцистичні праці: у двох томах. Київ, 1970. Т. 2. С. 7.

³ *Льницький О.* Український футуризм. 1914–1930. Львів, 2003. С. 28

⁴ http://bit.ua/ai1ec_event/lyteraturnyy-vecher-100-let-futurizma-remont-shevchenko/?instance_id= (дата обращения – 26.04.2014).

⁵ *Гундорова Т.И.* Карнавал после Чернобыля (топография украинского постмодернизма) // Постмодернизм в славянских литературах. Москва, 2004. С. 165.

⁶ Там же.

⁷ Німець каже: Ви слов'яне?

– Слов'яне! Слов'яне!

Наше слово полум'яне

Повік не зов'яне!

Німець каже: Ви могли?
– Моголи! Моголи!
Брюса Лі і Айрошянке
Продовження кволе.

Німець каже: Ви – поляки?
– Поляки-поляки!
Ми від дуба Пільсудського
Всохлої гілляки.

Німець каже: Ви – Європа?
– Європа! Європа!
Не схотіли Робесп'єра,
Мали Ріббентропа.

Німець каже: ви хрещені?
– Хрещені! Хрещені!
Хрест на шиї, хрест на спині,
Два хрести в кишені.

Німець каже: ви до НАТО?
– До НАТО, до НАТО.
Як не спонсора шукати,
То хоч мецената.

Наша слава кучерява
Не вмре, не поляже.
Або, може, і поляже.
Як вже німець скаже.

⁸ Андрухович Ю. Shevchenko is OK // Андрухович Ю. Диявол ховається в сирі. Київ, 2007. С. 147.

⁹ Тарас Шевченко – мой любимый поэт (англ.)

¹⁰ Андрухович Ю. Shevchenko is OK... С. 158

¹¹ Андрухович Ю. Лексикон інтимних міст. Київ, 2011.

¹² Андрухович Ю. Лексикон... С. 249.

¹³ Драч І. Гора. Київ, 1997.

¹⁴ Денисенко О. Сердечний рай, або Оксана. Київ, 2009.

¹⁵ Росовецький С. Шевченко під судом // Коронація слова: 36. п'єс лауреатів конкурсу 2006 та 2007 рр. Київ, 2008.

¹⁶ Шаповал М. Драма про Шевченка: інтермедійний ключ розуміння. // Слово і час. 2013. № 8. С. 69.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Харчук Р. Крізь опцію любові і смерті // Дві думки про «Сердечний рай» Олександра Денисенко. // Літакцент. 2009. 20 мая. <http://litakcent.com/2009/05/20/dvi-dumky-pro-serdechnyj-raj-oleksandra-denyzenka/> (дата обращения – 11.04.2014).

¹⁹ Константинова Е. «Шевченко жил вместе с теми, кто его отравлял и уничтожал». Сердечный рай Кобзаря – глазами писателя Александра Денисенко. http://gazeta.zn.ua/CULTURE/shevchenko_zhil_vmeste_s_temi_kto_ego_otravlyal_i_unichtozhal_s_erdechnyy_ray_kobzarya_glazami_pis.html (дата обращения – 18.04.2014).

²⁰ <http://gigamir.net/news/kyiv/capital/pub660909> 21.04.2014

²¹ Ктулху – мифологическое божество из ставших культовыми в массовой культуре *мифов* Ктулху, придуманных американским писателем Говардом Лавкрафтом (1890–1931).

²² http://gazeta.ua/ru/articles/culture/_dizajner-ilya-strongovskij-narisoval-sevchenka-so-schupalcami-vmesto-usov/473947 (дата обращения – 26.04.2014).

²³ <http://www.innovations.com.ua/ua/articles/mark/18806/shevchenko-i-suchasnist> (дата обращения – 16.04.2014).

²⁴ Интересно, что при этом арт-проект после Киева будет представлен в Нью-Йорке: <http://luxlux.net/kartyniy-ukrainskih-hudozhnikov-pokazhut-v-nyu-yorke-87141/> (дата обращения – 17.04.2014).

²⁵ Грабович Г. Поет як міфотворець. Семантика символів у творчості Тараса Шевченка. Київ, 1998. С. 193.